

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

**Трагическое начало в романе М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа
Головлевы»: анализ эпического произведения**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
Допущена к защите
Зав. кафедрой

Исполнитель:
Моисейкина Валерия Сергеевна,
обучающийся ЛЛ-41 группы

Научный руководитель:
Ермоленко Светлана Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.....	13
1.1 История создания романа.....	13
1.2 Мотив «умертвий» как сюжетобразующий в романе («сюжет- мартиролог»).....	18
ГЛАВА 2. «ГДЕ... ВСЕ?»: ТРАГИЧЕСКИЙ ПАФОС РОМАНА.....	24
2.1 Иудушка Головлев — «настоящая душа разложения семьи».....	24
2.2 «Пробуждение одичалой совести».....	32
2.3 Евангельский контекст в романе.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	49
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	51

ВВЕДЕНИЕ

«Господа Головлевы» (1875-1880) — роман, написанный М. Е. Салтыковым-Щедриным вскоре после того, как писатель окончательно оставил чиновничью службу и полностью посвятил себя литературной деятельности. В центре повествования — не свойственная художнику-социологу проблема семьи, родственных отношений, и решает ее сатирик совершенно особым, отличным от писателей-современников образом.

Подлинно научное изучение романа Салтыкова-Щедрина начинается уже в советскую эпоху, а затем на новом этапе исторического развития продолжается в современном литературоведении.

Роман Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» постоянно оказывается в центре внимания исследователей, как советских, так и современных. От рассмотрения вопросов проблематики, идейно-художественного содержания, далее — жанровой специфики и системы образов романа, которые стояли в центре внимания советских литературоведов, современные исследователи переходят к изучению поэтики, что способствует все более полному пониманию смысла произведения, а значит и его места в творчестве Салтыкова-Щедрина и русском историко-литературном процессе.

Изучение романа ведется в нескольких направлениях. Один из аспектов изучения — *история создания романа, социально-историческая обусловленность его замысла*. А. С. Бушмин, например, в своей монографии, посвященной сатире Салтыкова-Щедрина, утверждает, что тема «Господ Головлевых» появляется уже в более раннем творчестве писателя. «Идея о скором умирании старого, ветхого человека, то есть помещичьего класса была высказана Салтыковым уже в эпилоге "Губернских очерков"», — пишет Бушмин¹. Однако, проблема распада дворянского класса смогла получить свое

¹Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 171.

полное воплощение лишь в определенных экономических и социальных условиях пореформенной России 70-х годов. Исследователь замечает, что само «время благоприятствовало тому, чтобы показать помещиков в стадии крушения их бывшего хозяйственного могущества»¹.

На то, что Салтыков, создавая роман, ориентируется на современную ему общественно-политическую ситуацию, указывает и М. С. Горячкина. «Роман "Господа Головлевы" служил как бы иллюстрацией к теоретическим программным положениям революционной социал-демократии», — считает исследовательница. Гибель эксплуататорского класса, который символизирует Иудушка Головлев, является исторически необходимой, с точки зрения социально-демократической формации. А смерть Иудушки, в таком случае, — «жизненный итог целого класса крепостников и грозный сигнал грядущей гибели всех эксплуататорских классов»². Обращение к проблеме семьи в этом контексте отнюдь не было случайным: столь популярная в 70-е годы тема стала подходящим фундаментом для изображения распада помещичьего сословия.

Вместе с тем появление «Господ Головлевых» было обусловлено не только остро-политической обстановкой в обществе. Важное значение, как было установлено советскими литературоведами, имеет и само развитие Щедрина как гениального художника в контексте литературной ситуации 70-х годов XIX века. Так, по справедливому мнению Е. И. Покусаева, роман, идейно и художественно оформлявшийся «под влиянием определенных общественно-литературных факторов эпохи», вместе с тем «был подготовлен всем предшествующим творчеством сатирика»³.

Другое направление в щедриноведении связано с *изучением места и значения «Господ Головлевых» в творческой эволюции художника*. Очевидной представляется генетическая связь романа с циклом очерков «Благонамеренные речи» (1872-1876), из которого, собственно, и выделилась история «выморочного рода», отмеченная многими исследователями. Так, В. Ф. Козьмин

¹Бушмин А. С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Л. : Наука, 1984. С. 155.

²Горячкина М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. 2 изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. С. 119.

³Покусаев Е. И. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. М. : Худож. лит., 1975. С. 20-21.

считает, что это родство влияет на сюжетную структуру «Господ Головлевых»¹. Действительно, каждая из глав романа представляет собой законченный по смыслу эпизод семейной хроники (как это и должно быть в рассказах, входящих в цикл), центральным событием которого является смерть одного или нескольких Головлевых. Повествование о Головлевых превращается, таким образом, как пишет В. А. Свительский, в «историю гибельных выпадений»².

От внимания советских щедриноведов не скрылся тот факт, что роман «Господа Головлевы», при всей закономерности его появления, тем не менее отличается от других произведений писателя-сатирика. А. М. Лаврецкий еще в 30-е годы писал, что «среди произведений Щедрина 70-х годов "Господа Головлевы" занимают особое место. Они в высокой мере психологичны, но они все же не типичны для той линии творчества Щедрина, которая чужда гротеска, "смещения пропорций" действительности»³. Лаврецкий утверждает, что роман находится как бы на «стыке двух линий щедринаского творчества»⁴, то есть линии сатирической и психологической. Последняя, как видим, в представлении литературоведа не является «нетипичной» для художника с сатирическим дарованием.

На особое место романа в творчестве Щедрина указывает и современный исследователь — И. П. Щерблюкин. «Правдоподобность описаний позволила усилить линию психологического анализа, что заметно отличает роман "Господа Головлевы" от предшествующих произведений писателя», — считает исследователь⁵. Отмеченное отличие «Господ Головлевых» от других произведений писателя, а именно — психологизм романа, станет одним из предметов дальнейшего изучения в щедриноведении.

В связи с этим в литературоведении возникает еще один вопрос — о

¹Козьмин В. Ф. Социальный психологизм в романе «Господа Головлевы» // Литература в школе. 1976. № 1. С. 63.

²Свительский В. А. Особенности авторской оценки и жанровая структура романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Русская литература 1870-1880 годов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1981. С. 41.

³Цит. по: История русской литературы : в 3 т. / гл. ред. Д. Д. Благой. М. : Наука, 1964. Т. 3 (Литература второй половины XIX - начала XX веков). С. 437.

⁴Там же. С. 438.

⁵Щерблюкин И. П. История русской литературы (XI – XIX вв.) : учебник для нефилол. фак-тов вузов. М. : Высш. шк., 1985. С. 404.

жанровой специфике *«Господ Головлевых»*. Психологизм романа, столь неожиданный, на первый взгляд, в произведении писателя-сатирика, отмечался многими исследователями. Вместе с тем психологизм автора *«Господ Головлевых»*, творчество которого относится к социологическому течению в русском классическом реализме, особого рода. По словам С. И. Ермоленко и Е. Г. Радыгиной, художественной задачей автора становится «воплощение общественной, социальной психологии», но изображена она в её «индивидуальном преломлении»¹. «Выморочный» род вбирает в себя те черты и свойства, которые принадлежат всем представителям эксплуататорских классов, при этом «хищничество» и «стяжательство» в понимании Щедрина становятся пороками социально обусловленными.

Высшим проявлением, концентрацией этих недостатков становится тип Иудушки, чье ханжество не имело никаких границ. Как видим, психологическое начало в образе Иудушки, как и в романе в целом, переплетается с социальным. «... Лицемерие Иудушки, — подчеркивает Н. М. Фортунатов, — имело корни в социальных условиях его жизни, а не в дурных наклонностях его личности»². Маской пустословия прикрывается не только Порфишка-кровопивец — за ней прячет свои безнравственные поступки целый эксплуататорский строй. На выделении этих двух аспектов основываются такие жанровые определения, как *«общественно-психологический роман»*³, *«социальный роман-хроника»*⁴, *«демократический роман-хроника»*⁵.

Характеризуя жанровое своеобразие романа, А. С. Бушмин пишет: «Это роман именно *семейно-бытовой, психологический* по своему конкретному содержанию и в то же время *социально-политический* по своей идейной направленности»⁶.

¹ Ермоленко С. И., Радыгина Е. Г. Своеобразие психологизма М. Е. Салтыкова-Щедрина // Филологический класс. 1999. № 4. С. 82.

² Фортунатов Н. М. История русской литературы XIX века : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2008. С. 399.

³ Григорьян К. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 29.

⁴ Трофимов И. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы : пособие для учителя. М. : Учпедгиз, 1955. С. 65.

⁵ Горячкина М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 119.

⁶ Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 432-433. Курсив наш. - В. М.

По мнению В. И. Кулешова, Салтыкову-Щедрину «удалось уравновесить принципы старого *"семейного"* романа с принципами нового, проповедовавшегося им самим *романа общественного...*»¹. В. Ф. Козьмин настаивает на более широком определении жанра: «В "Господах Головлевых" совмещены особенности *семейного, психологического* и *социального* романа»².

Многие исследователи обращают внимание на хроникальный характер повествования в «Господах Головлевых». Так, В. А. Свительский считает, что «роман-хроника как жанровая форма оказался наиболее приспособленным для того, чтобы показать рутинный монолит головлевского существования, монотонное повторение подобного в нем»³. Вместе с тем, рассказывая историю одного рода, одной помещичьей семьи, Салтыков-Щедрин показывает разные стороны разрушения крепостнического уклада, гибели эксплуататорского класса. Писатель намеренно выбирает семью в качестве объекта изображения. Исследователи обычно ссылаются в этой связи на одно из писем Щедрина Е. И. Утину в январе 1881 года, в котором он так поясняет свой замысел: «Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются. На принцип семейственности написаны мною "Головлевы"»⁴.

В новейшем учебном пособии (под редакцией В. Н. Аношкиной), посвященном истории русской литературы 70-90-х годов XIX века, предлагается определение жанра «Господ Головлевых» «психологический роман-парабола»⁵, то есть такой жанровой формы, которая близка к притче⁶, что

¹Кулешов В. И. История русской литературы XIX века (70 - 90-е годы). М. : Высш. шк., 1983. С. 113. Курсив наш. - В. М.

²Козьмин В. Ф. О жанре романа «Господа Головлевы». С. 42. Курсив наш. - В. М.

³Свительский В. А. Особенности авторской оценки и жанровая структура романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». С. 41.

⁴Салтыков-Щедрин М. Е. Е. И. Утину 2 января 1881. Петербург // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 19. Кн. 1. С. 194.

⁵История русской литературы XIX века. 70-90-е годы. : учеб. для студентов вузов / под ред. В. Н. Аношкиной. 2 изд., испр. М. : Оникс, 2006. С. 269.

⁶Парабола (от др.-греч. *παραβολή* - «сравнение, сопоставление, подобие, приближение») - «термин, обозначающий близкую притче жанровую разновидность в драме и прозе 20 века. <...> ... иногда П. называют "символической притчей". Однако, приближаясь к символическому, иносказат. план П. не подавляет предметного, ситуативного, а остается изоморфным ему, взаимосоотнесенным с ним» (см.: Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 267).

не противоречит существующим определениям романа, но акцентирует символическое начало в нем. При этом главным для авторов учебника является все же не символическое, а психологическое начало в романе: в сюжете произведения, помимо основной линии, развивающейся по канонам семейного романа, возникает противоборствующая стихия, характерная для романа психологического. Наличие большого количества событий внутренней жизни героев свидетельствует о психологизации сюжета¹.

Свою точку зрения на жанровую природу романа высказывает Г. К. Щенников, называя «Господ Головлев» «очерковым романом-обозрением»². Давая такое определение, исследователь, как В. Ф. Козьмин и В. А. Свительский до него, исходит из представления о генетической связи романа с циклом очерков «Благонамеренные речи», что и обуславливает некоторую «очерковую» самостоятельность глав в романной структуре «Господ Головлев», напоминающей структуру более поздних его романов-обозрений (см., напр.: «Современная идиллия»). С нашей точки зрения, речь здесь идет не столько о жанровой специфике, сколько об особенностях повествования, предполагающего относительную (в составе романного целого) сюжетную и смысловую завершенность частей-глав.

Обобщая наблюдения исследователей над жанровой природой «Господ Головлевых», следует, очевидно, признать, что общепринятым в щедриноведении является определение его жанра как *социально-психологический* роман³, которое не отменяет названные выше обозначения жанра, но уточняет их. При этом определение «роман-хроника» характеризует форму романа как семейной хроники головлевской семьи, которая раскрывается как в социальном (общественном), так и психологическом аспектах. Определение «демократический» ориентирует нас на понимание авторской позиции, как она выразилась в романе.

¹История русской литературы XIX века. 70-90-е годы. : учеб. для студентов вузов / под ред. В. Н. Аношкиной. С. 277.

²Щенников Г. К., Щенникова Л. П. История русской литературы XIX века (70-90-е годы). М. : Высш. шк., 2005. С. 55.

³См. об этом: Ермоленко С. И. Хроника «выморочного» рода // Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы : Роман. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. С. 339.

От размышлений о жанровой специфике «Господ Головлевых» литературоведы нередко переходят к *рассмотрению поэтики* — и это одно из современных направлений исследования романа. Предметом изучения романа, особенно в последнее время, становится его мотивная организация. Внимание исследователей обращено к тому, как художественно воплощается в романе «мотив умертвия». Этот мотив, являясь, по существу, лейтмотивом «Господ Головлевых», сочетаясь с мотивом Страшного Суда, реализуется, по мнению С. И. Ермоленко, не только в сюжетной организации романа (уход из жизни одного за другим представителей головлевского рода, о чем пишет, например, Н. М. Фортунатов), но и при помощи внесюжетных элементов, в частности пейзажа, главная функция которого — идейно-композиционная (и в этом случае пейзаж становится одной из форм выражения авторского сознания). Сопоставляя изображение головлевской усадьбы с образами «дворянских гнезд» в русской классической литературе, в создании которых пейзажу принадлежит важнейшая роль, С. И. Ермоленко делает вывод о том, что «через весь роман проходит мысль о невозможности обновления природы»¹, а это, в свою очередь, свидетельствует о «необратимости процесса омертвления, которым охвачены и природа, и человек»². Художественный мир «Господ Головлевых» оказывается лишенным какого-либо намека на присутствие жизни в нем. Вся поэтика романа подчинена изображению процессов распада и разложения. Мир русской усадьбы, воспетый многими писателями-классиками, предстает в романе Салтыкова-Щедрина как мир гибельный, «выморочный». Поместье, «родовое гнездо», пишет в этой связи М. И. Назаренко, «не только господствует над жизнью своих владельцев, но и организует пространственно-время их существования»³. Рассмотрение пространственно-временной

¹Ермоленко С. И. «Головлево – это сама смерть...» (образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Филологический класс. 2003. № 10. С. 74. См. также: она же. Мир «русской усадьбы» в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Проблемы стиля и жанра в литературе. Екатеринбург, 2004. С. 179-180; она же. Русская усадьба как жизненное пространство глазами писателя (по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Город как средоточие коммуникаций. Екатеринбург : Архитектон, 2009. С. 290.

²Ермоленко С. И. «Головлево – это сама смерть...» (образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»). С. 75.

³Назаренко М. И. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки») [Электронный ресурс]: Киев, 2002 // URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0278.shtml (дата

организации романа — также одно из современных направлений его изучения⁴.

Роман «Господа Головлевы» относится к числу наиболее изученных произведений Салтыкова-Щедрина. Благодаря усилиям исследователей как советского, так и постсоветского времени сложилось более или менее ясное представление об истории создания романа, его генетической связи с циклом «Благонамеренные речи», из которого он вырос, о жанровой специфике романа, системе его образов, в центре которой образ Иудушки Головлева, об особенностях щедринского психологизма. Все большее внимание исследователей начинает привлекать собственно поэтика романа, позволяющая увидеть мастерство Щедрина-художника.

Однако, несмотря на интерес исследователей к роману «Господа Головлевы», говорить о его полной изученности не приходится. Во-первых, существуют определенные разногласия в понимании смысла и назначения трагического элемента в образе главного героя и в целом в романе; во-вторых, выявленные библейские (евангельские) аллюзии в романе также неоднозначно осмысляются современными исследователями; это, в свою очередь, делает актуальной проблему авторской позиции (об этом мы будем говорить более подробно далее). Поэтому считаем необходимым сосредоточиться на изучении того, как проявляется трагическое начало в «Господах Головлевых» и как оно влияет на выражение авторской позиции в романе. Этим и определяется **актуальность** данной работы.

Объектом изучения является роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». **Предмет** изучения — особенности выражения трагического начала в романе.

Цель работы — понять смысл и назначение трагического элемента в образе Иудушки Головлева и в художественном целом романа «Господа Головлевы».

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих

обращения: 27.03.2015).

⁴См. уже названные работы С. И. Ермоленко, М. И. Назаренко и др.

задач:

- выявить особенности художественного воплощения мотива «умертвий» и его функцию в романе;
- определить место Иудушки Головлева в системе образов романа, обращая внимание на характер его отношений с другими персонажами;
- рассмотреть своеобразие речевой характеристики Иудушки и ее роль в создании образа героя;
- понять, как обнаруживается трагическое начало в образе Порфирия Владимирыча и в художественном целом романа;
- выявить библейские, евангельские аллюзии в «Господах Головлевых», их смысл и назначение в романе;
- сделать вывод о назначении трагического элемента и особенностях выражения авторской позиции в романе «Господа Головлевы».

Цель и задачи определяют выбор **методов научного исследования**: историко-функциональный (обосновывающий необходимость изучения жизни литературных произведений в движении эпох¹), и системно-структурный. В данной работе произведение рассматривается как единая художественная система, имеющая подсистемы, характеризующиеся особым характером взаимосвязей и соотнесенности друг с другом.

Методологической основой нашей работы являются труды щедриноведов — авторов фундаментальных исследований, посвященных творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, в том числе роману «Господа Головлевы» (А. С. Бушмина, К. Н. Григорьяна, М. С. Горячкиной, С. А. Макашина, Е. И. Покусаева, В. В. Прозорова и др.)

В своей работе мы пытаемся осмыслить трагический элемент, введенный писателем в образ Иудушки Головлева, проследить, как он выражается на разных уровнях художественного текста, и систематизировать полученные знания. Этим обусловлена **научная новизна** нашего исследования.

¹См.: Русская литература в историко-функциональном освещении / Н. В. Осьмаков, У.А. Гуральник, А. Н. Робинсон и др. ; Редкол.: Н. В. Осьмаков (отв. ред.) и др. Москва : Наука, 1979. С. 303.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов в школьной практике преподавания литературы в классах с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла.

ГЛАВА 1. «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

1.1. История создания романа

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин работал над созданием романа «Господа Головлевы» на протяжении пяти лет — с 1875 по 1880 годы. Еще в процессе формирования цикла «Благонамеренные речи» у сатирика возник замысел будущего романа. Первоначально главы «Семейный суд», «По-родственному», «Семейные итоги», а также глава «Перед выморочностью» (в окончательной редакции – «Племяннушка») входили в состав этого цикла и были опубликованы в журнале «Отечественные записки» в 1875-1876 годах.

Публикации были благосклонно приняты читателями и критиками того времени. Судьба головлевского семейства и, в частности, главного героя, Порфирия Головлева, вызвала необычайный интерес у некоторых русских писателей. «По поводу рассказа "По-родственному" я отовсюду получаю похвалы. Анненков в умилении, даже Тургенев, который вообще предпочитает умалчивать, поздравляет меня. <...> Мне здесь показывали письма из Питера, в которых велят узнать, не будет ли продолжения. Хотя вопрос этот глупый, но он дал мне мысль написать еще рассказ», — пишет Щедрин 7/19 января 1876 года к Н. А. Некрасову¹.

Рассуждая о возможном конце Иудушки, И. А. Гончаров в своем письме к Салтыкову-Щедрину высказывается следующим образом: «И в Вашего *Иудушку* упадет молния, попалит в нем все, но на спаленной почве ничего нового, кроме прежнего же, если бы он ожил, взойти не может. <...> Поэтому *он и не удавится никогда*, как Вы это сами увидите, когда подойдете к концу. Он может видоизмениться во что хотите, т. е. делаться все хуже и хуже: потерять все нажитое, перейти в курную избу, перенести все унижения и

¹Салтыков-Щедрин М. Е. Н. А. Некрасову 7/19 января 1876. Ницца // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 18. Кн. 2. С. 248.

умереть на навозной куче, как выброшенная старая калоша, но внутренне восстать — нет, нет и нет! Катастрофа может его кончить, но сам он на себя руки не поднимет! Разве сопьется — это еще один возможный, чисто русский выход из петли!»¹. Гончаров не просто не верит в «пробуждение одичалой совести» Иудушки и его вероятное самоубийство — он решительно отвергает любую возможность нравственного, духовного перерождения героя. Порфишка-кровопивец не способен понять масштаб и ужас своих злодеяний, он обречен на неминуемую гибель, но гибель эта никогда не совершится от его собственных рук.

В разных работах советских исследователей множество раз упоминается о том, что прототипом Иудушки явился старший брат Салтыкова — Дмитрий Евграфович. «Иудушкой он звал одного своего родственника и через несколько лет воспроизвел его в "Головлевых"», — пишет А. Я. Панаева в своих воспоминаниях². Подтверждение этому можно найти в переписке Салтыкова-Щедрина с матерью, происходившей весной 1873 года: «... Я нахожу, что самое лучшее и даже единственное средство не ссориться с ним — это совсем его не видеть. <...> Всякое дело, которое можно было бы в двух словах разрешить, он как бы нарочно старается расплодить до бесконечности. Я положительно слишком болезнен, чтоб выносить это. Не один я — все знают, что связываться с ним несносно, и все избегают его»³. Непростые отношения в семье серьезно усугубляются в начале 70-х годов, когда братьям приходится решать вопросы, связанные с наследством. Поведение Дмитрия Евграфовича вызывает в ту пору у Щедрина особое недовольство. В одном из сожженных писем к А. М. Унковскому в ноябре 1875 года он прямо заявляет: «Это я его в конце Иудушки изобразил»⁴.

И. А. Гончаров, несмотря на столь резкую и твердую оценку Иудушки, с

¹Гончаров И. А. Письмо к М. Е. Салтыкову (Н. Щедрину), 30 дек. [18]76 г. [Петербург] // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л. : Гослитиздат, 1938. С. 291-292. Курсив автора. – В. М.

²Панаева А. Я. Воспоминания. М. : Худож. лит., 1972. С. 361.

³Салтыков-Щедрин М. Е. О. М. Салтыковой 22 апреля 1873. Петербург // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 18. Кн. 2. С. 143-144.

⁴Сожженные письма Салтыкова к А. М. Унковскому 1/13 ноября 1875. Ницца // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 18. Кн. 2. С. 352.

нетерпением ожидал от Салтыкова-Щедрина выделения истории разрушения «головлевского гнезда» в отдельный, законченный роман. Столь же внимательно за семейством Головлевых следил другой великий русский писатель — И. С. Тургенев: «Как бы то ни было — но "Семейный суд" мне очень понравился, и я с нетерпением ожидаю продолжения описания подвигов "Иудушки"...» — писал Тургенев Салтыкову-Щедрину вскоре после первого появления очерка в печати¹.

Об исходе Головлевых задумывался также русский поэт и сатирик А. М. Жемчужников: «Скажу Вам, что я в восторге от Вашего Иудушки. <...> ... мне Иудушка очень интересен, и я хотел бы его видеть побольше живым. Ведь теперь уже подходит к нему смерть. Его конец меня также очень интересуется»².

В 1880 году Салтыков-Щедрин публикует финал цикла о Головлевых в журнале «Отечественные записки» под заглавием «Решение (Последний эпизод из головлевской хроники)» (в окончательной редакции — «Расчет»), и в этом же году выделяет историю «выморочного рода» из «Благонамеренных речей» в абсолютно самостоятельное произведение. В своем письме к Некрасову 3/15 мая 1876 года Щедрин признается: «Жаль, что я эти рассказы в "Благонам<еренные> речи" вклеил, нужно было бы печатать их под особой рубрикой: "Эпизоды из истории одного семейства"»³.

«Господа Головлевы», появившись в печати как цельный, окончанный роман, вызывают немало откликов литературоведов и критиков того времени. Критик и публицист А. М. Скабичевский выделяет особенную грань таланта Щедрина — «уменье выставлять не только одну смешную, пошлую сторону жизни, но и обнаруживать в этой пошлой стороне потрясающий трагизм». «Главный герой этих трех рассказов, Порфирий Головлев, — пишет Скабичевский, — возбуждает в вас не один уже смех, но отвращение, смешанное с ужасом»⁴. Это тонкое сочетание сатиры и психологизма,

¹Тургенев И. С. Из писем М. Е. Салтыкову // М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике : сб. ст. / сост. Н. В. Яковлев. Л. : Учпедгиз, 1939. С. 581.

²Жемчужников А. М. Из письма М. Е. Салтыкову-Щедрину // Там же. С. 585.

³Салтыков-Щедрин М. Е. Н. А. Некрасову 3/15 мая 1876. Париж // Салтыков-Щедрин М. Е. Т. 18. Кн. 2. С. 287-288.

⁴Скабичевский А. М. Г. Щедрин как современный гениальный писатель. «Благонамеренные речи». Тип

отмеченное критиком, позволяет читателю глубже проникать в сознание героев, раскрывает причинно-следственные связи разращения и распада дворянской семьи. Головлева трагедия, благодаря этому, находит незамедлительный отклик в сердцах читателей, поражая масштабом своей катастрофичности. Скабичевский отнес Иудушку к «одному из тех общечеловеческих типов, вроде Яго, Тартюфа, Гарпагона, которые в продолжение многих веков служат нарицательными именами для представления самого крайнего искажения человеческой природы»¹. Поэтому и кончина его приобретает широкое смысловое значение.

В 1899 году в журнале «Жизнь» была опубликована статья писателя и критика Е. А. Соловьева, посвященная художественному становлению сатирика. Рассуждая о мировоззрении Салтыкова, о мотивах его творчества Соловьев заключает, что писатель «высшим верховным судьей человека признавал его собственную совесть, которая над собой не знает уже никакого судьи»². Автор статьи настаивает на морализаторской позиции Щедрина, видевшего причину «унижения человека» исключительно во влиянии социальной среды. Именно общественные условия превращают человека в раба, делая его бездушным существом, способным только обижать и унижать. По словам Соловьева, «самое страшное, самое трагическое — это пробуждение в рабе человека...»³. Следственно, предсмертные муки совести, истерзавшие Иудушку, абсолютно обоснованы с точки зрения Салтыкова-Щедрина как моралиста, и драматическая развязка акцентирует внимание читателя на истинных причинах морального разложения, сокрытых в социальных условиях жизни.

О романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» пишет в 1899 году Н. К. Михайловский в газете «Русские ведомости». Критик, обращаясь к

Иудушки. [Электронный ресурс] // Критика 70-х гг. XIX века / сост., вступит. ст., преамбул и примеч. С. Ф. Дмитренко. М. : ООО «Издательство "Олимп"» ; ООО «Издательство АСТ», 2002 // URL: http://az.lib.ru/s/skabichewskij_a_m/text_0050.shtml (дата обращения: 15.03.2015).

¹Там же.

²Соловьев (Андреевич) Евг. М. Е. Салтыков-Щедрин (1826-1889) // М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике / вступ. статья, подг. текста и примеч. М. С. Горячкиной. М. : Гослитиздат, 1959. С. 472.

³Там же. С. 473.

читателю, настаивает на справедливости авторской развязки: «Да, праведен был гнев ваш, праведно и наказание, наложенное Иудушкой на себя: нельзя жить этому человеку, если в нем заискрилась совесть»¹. Порфишка-кровопиец несомненно заслужил эти кошмарные терзания, и жизнь его становится невыносимой, ибо нет возможности преодолеть страшную пытку. Смерть главного героя-лицемера становится, по мысли критика, единственным допустимым выходом из череды нравственных болезненных мучений.

Споры и раздумья о финале истории Иудушки и его этико-философском смысле зародились еще до окончательного оформления «Господ Головлевых» в романное целое и продолжились после публикации произведения. Салтыков-Щедрин сумел не только увлечь читателя художественным описанием распада дворянской семьи, но и побудил его поразмышлять над всевозможными вариантами и трактовками финала романа. Критики обратили внимание на трагический характер развязки «Господ Головлевых», обусловленный «пробуждением одичалой совести», почти единодушно понимая невозможность иного конца истории Иудушки. Е. А. Соловьев трагическую концовку романа воспринимал как выражение губительного воздействия социальной среды на человека, что соответствовало творческим принципам Щедрина — художника-социолога. В полемику с авторской позицией по отношению к Порфирию Головлеву вступил лишь И. А. Гончаров, заявивший о невозможности пробуждения совести в герое. А. М. Скабичевский указал на общечеловеческое значение типа Иудушки, что позволяет подчеркнуть общечеловеческий и вневременной смысл как всего романа, так и его финала.

Всё это были первые отклики современников и последующей критики, появившиеся сразу после публикации первых, тогда еще, рассказов из цикла «Благонамеренные речи». Конечно, говорить о целостном осмыслении романа «Господа Головлевы» в 80-е, да и в 90-е годы XIX века не приходится — «большое видится на расстоянии». Знаменательно, что предметом размышлений читателей-современников и критиков становится именно финал истории

¹Михайловский Н. К. Щедрин // М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. С. 447.

«выморочного героя», не только сообщивший мрачный колорит, но и глубокий смысл всему романному повествованию.

1.2. Мотив умертвий как сюжетобразующий в романе («сюжет-мартиролог»)

История семьи Головлевых представляется как череда трагических событий. Перед взором читателей открывается последовательное вырождение головлевского рода. Повествование видится, словно жемчужное ожерелье: его части связывает *лейтмотив умертвия* — крепкая нить, на которую нанизаны кровавые жемчужины — несчастные человеческие жизни.

Первым открывает страшный список Степка-балбес, старший сын Арины Петровны. Он возвращается в головлевское имение после nepозволительного (с точки зрения семьи) проигрыша: Степан продает за долги выброшенный ему «кусочек» — дом в Москве. Еще в пути старший сын не может отделаться от дурного предчувствия: съест его барыня, не сможет простить греха. Мотив смерти появляется сразу вместе с домом Головлевых, который напоминает Степану гроб: «Барская усадьба смотрела из-за деревьев так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного; но на него её вид произвел действие медузиной головы. Там чудился ему гроб» (36)¹. Не случайна и использованная Щедриным мифологема горгоны Медузы. Миф гласит, что даже после смерти голова змееволосого чудовища смертоносна для всех, кто взглянет ей в глаза. Взгляд горгоны обращает в камень — так и имение Головлевых заставляет Степана оцепенеть. Мифический сюжет придает сцене возвращения в родное «гнездо» особую трагичность и предвещает скорую кончину блудного сына.

Образ-символ гроба появляется и в «картине трудовой деревенской осени»: «... одна только мысль мечется, сосет и давит — и эта мысль: гроб! гроб! гроб!» (59). Ощущение безысходности и нестерпимой тоски захватывает Степана Владимырыча. В описании «трудовой деревенской осени» возникает

¹Здесь и далее цит. по: Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы : Роман, сказки. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 576 с.

еще один образ, преследующий героя, — *тень, тьма (мгла)*, которая захватывает сознание. За окном старший сын Головлевых наблюдает унылый пейзаж: грязь, ливень, серое, тусклое небо. Среди облаков особенно выделяется одно: «... что пониже и почернее других... оно имело разорванную форму (точно поп в рясе с распростертыми врозь руками)...» (58). Угрожающая фигура в небе гнетет, приковывает взгляд. К вечеру черная пелена поглощает и облака, и все, что есть за окном. Непроглядная тьма страшно воздействует на Степку: «Болезненная истома сковывает ум; во всем организме, несмотря на бездеятельность, чувствуется беспричинное, невыразимое утомление..» (59). Постепенно в герое исчезает желание думать, двигаться, жить. Арина Петровна, не чувствуя мук собственного сына, не позволяет выдавать ему свечи.

Единственный способ бороться с тьмой — «напиться и позабыть». Блаженное опьянение раздвигало сгущающуюся тьму, а за ней находилась «бесконечная, светящаяся пустота». Ощущение приносило столь необходимую способность уйти от опостылевшей действительности: у Степана оставались двигательные навыки, а сознание будто бы впадало в оцепенение. Так начиналось медленное умирание непутевого сына: со временем жить вне этого состояния Степка уже не мог. Внутреннее состояние героя в его последние дни Салтыков-Щедрин описывает следующим образом: «...он весь погрузился в безрассветную мглу, в которой нет места не только для действительности, но и для фантазии» (66). Степан будто бы находился вне времени и пространства. Финальным аккордом становится вновь возникающий образ «черного облака», что захватывает блудного сына полностью.

Атмосфера умирания проникает в каждую главу и сцену, пронизывая текст липким страхом приближающейся смерти. То и дело пророчески звучат слова автора, к примеру, после кончины Владимира Михайлыча: «...смерть мужа, вместе с фантазмагориями будущего, наложили какой-то безнадежный колорит на весь головлевский обиход. Как будто и старый головлевский дом, и все живущие в нем — все разом собралось умереть» (73).

Вслед за смертью Степана жизнь постепенно уходит из его младшего

брата — Павла Владимырыча. Изображая его болезненное состояние автор использует тот же образ, что и в описании агонии Степана, — образ темноты, вызывающей немой ужас. «Тени, тени, тени без конца! Идут, идут...». Навязчивые мысли преследуют Павла. Вновь появляется образ-символ гроба. В предсмертном разговоре с братом Порфирием тяжелобольной Павел чувствует себя будто бы парализованным: «Павлу Владимырычу почудилось, что он заживо уложен в гроб, что он лежит словно скованный, в летаргическом сне, не может ни одним членом пошевелинуть...» (99). Герой бессилен перед лицом смерти, и фактически заживо погребен под ласковые речи Иудушки.

После смерти двух сыновей процесс умирания поражает и хозяйку родового имения — Арину Петровну. По существу запертая в убогой погорелковской усадьбе, теперь уже одинокая, несчастная старуха пугается ночной темноты, спать в старом доме ей становится невообразимо страшно. Нагнетают мрачную атмосферу появляющиеся тени: они мечутся, пляшут, не давая покоя Арине Петровне. Признаки близящейся смерти ясно обнаруживаются в главе «Племяннушка. С героиней происходит странная метаморфоза: она все реже и реже говорит, слабо реагирует на реплики окружающих, погружаясь в оцепенение, точь-в-точь как Степка-балбес: она «словно застывала на месте с вперенными в окно глазами» (172). Некогда энергичная глава головлевского семейства постепенно превращается в развалину, перестает осознавать происходящее с ней, вслед за духовной смертью наступает и ее физическая кончина.

Умирают персонажи и в затекстовом пространстве. Со слов автора узнаем о трагической участи сыновей Порфирия Головлева: Володенька покончил жизнь самоубийством, а Петенька умер в больнице. Трагическая участь детей является свидетельством абсолютной черствости и жестокости их родителя. Порфишка-кровопивец не пожелал помочь собственным чадам в трудную минуту, не проливает он горьких слез на их могилах. По сути на верную смерть обрекает он и своего незаконнорожденного сына — младенца Володьку, отрывая его от матери и отправляя в воспитательный дом. Погибает

племянница Иудушки — Любинька, на пороге смерти Аннинька. Обе, постылые и нелюбимые, бежали из родного «гнезда» в надежде на лучшую жизнь, но, отравленные головлевским ядом, к этой иной жизни оказавшиеся не способными. Так писатель ведет читателя к важной мысли, сформулированной в романе: «Головлево — это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно подстерегающая новую жертву» (...). Последней его «жертвой» становится тот, кто был «настоящей душой разложения семьи», — Иудушка Головлев.

Кольцо смерти сжимается вокруг Порфирия Головлева: родственники покидают мир, словно выжженные и отсохшие ветви на семейном древе. Избежать гибели уже не предвидится возможным. Финальная глава «Расчет» открывается безжизненным декабрьским пейзажем: «окрестность покрыта неоглядным снежным саваном» (290), и все в округе будто бы умирает. *Образ савана* здесь получает несомненно символическое значение, становясь синонимом смерти. Последний представитель головлевского рода Иудушка оказывается не живым человеком, а «живым призраком» (325) среди мертвых. Думы о трагических судьбах родственников, в чьей гибели так или иначе, повинен Порфирий, гнетут его. Выход из этого гнетущего состояния он пытается найти в хмельных беседах с Аннинькой. Злой рок висит над головлевским семейством, и неотвратимость смерти заставляет Порфирия Головлева думать об единственно возможном выходе — самоубийстве.

Конец выморочному роду был назначен самой судьбой. Размышляя о причинах трагического стечения обстоятельств, обусловивших трагическую развязку романа, Салтыков-Щедрин указывает на три характеристических черты Головлевых: «праздность, непригодность к какому-либо делу и запой» (321). Эти качества неотвратимо приближали конец бессмысленного и пустого существования семейства. Иудушка Головлев воплощает в себе предельную концентрацию всех семейных пороков, становясь источником всех «умертвий». Иудушка заражает родственников страшным ядом смерти, давя на самые больные точки, доводя до самоубийства или тяжелой болезни с летальным

исходом. Жертвы его преступлений обречены на мучительную смерть, которая начинается со страшного оцепенения души и тела. Члены головлевского семейства умирают один за другим, словно подчиняясь установленному распорядку, сюжет движется от одной смерти к другой.

Так, мы увидели, что проходящий через весь роман и цементирующий его мотив «умертвий» воплощается в произведении с помощью образов-символов тьмы, гроба, савана. В связи с этим функцию мотива «умертвий» можно определить как *сюжетообразующую*. На глазах читателя происходит постепенное разрушение семейного древа, корни которого сгнивают и умирают. В связи с этим повествование в романе можно рассматривать как линейное, сосредоточенное на изображении кризисных моментов в жизни героев, за которыми непреложно следует смерть. Сюжет романа строится как «сюжет-мартиролог» (Д. П. Николаев), в основе которого лежит уход из жизни одного за другим представителей головлевского рода.

Подводя итоги, приходим к выводу, что использование Салтыковым «сюжета-мартиролога» обусловлено необходимостью обнажить глубинные процессы распада «выморочного рода». Автор сосредоточен на изображении последовательного вырождения семьи Головлевых. В этом проявляется мастерство Салтыкова-Щедрина как художника-психолога. Роман «Господа Головлевы» соединяет в себе, таким образом, социальный аспект (в описании представителей вырождающегося класса) и психологический, на чем мы остановимся далее.

ГЛАВА 2. «ГДЕ... ВСЕ?»: ТРАГИЧЕСКИЙ ПАФОС РОМАНА

Трагическое начало в романе «Господа Головлевы» находит свое выражение, прежде всего, в образе Иудушки Головлева. Многими исследователями решался вопрос о степени трагизма образа главного персонажа, некоторые вовсе отрицали наличие трагического элемента в нем. Рассмотрим эти различные точки зрения и проследим, как раскрывается образ главного героя на протяжении повествования.

2.1. Иудушка Головлев – «настоящая душа разложения семьи»

Внимание исследователей неизменно приковывает к себе образ главного героя — Иудушки Головлева, который становится «настоящей душой разложения семьи». Именно форма семейной хроники позволяла писателю проследить этот процесс «разложения», который так ярко выразился в образе главного героя. Порфирий Головлев — главное действующее лицо романа, виновник многочисленных «умертвий», происходящих в помещичьей семье.

В работах исследователей подчеркивается, что Порфирий Головлев — не просто персонаж, прототипом которого являлся нелюбимый брат Салтыкова. Иудушка — это полноценный социальный тип, вмещающий в себе отрицательные и наиболее общие, с точки зрения писателя, черты представителей эксплуататорского класса.

Исследователи по-разному трактовали образ Порфишки-кровопивца. Некоторые из них видели в Иудушке социальный тип уже прошлой (по отношению к времени создания романа) эпохи крепостничества. Например, И. Т. Трофимов говорил о том, что «зловещий образ Иудушки Головлева в сатире Щедрина явился олицетворением самого гнусного хищничества и пустоутробной жизни крепостников»¹. Схожей точки зрения придерживается и

¹Трофимов И. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы. С. 66.

К. Н. Григорьян, по мнению которого Иудушка «изображен как представитель деградирующего, вымирающего класса» крепостников, а «жизненный путь Головлевых символизирует вырождение дворянского рода»¹.

Иной позиции придерживаются исследователи, не столь узко трактующие тип Иудушки, считающие его представителем не просто крепостничества, а всех эксплуататорских классов. «... Образ Иудушки, отражая распад дворянского класса, воспринимается как широкое обобщение жизненной практики всех эксплуататорских сословий, в том числе новейших — капиталистических», — считает И. П. Щеблыкин². Герой совершает поступки, типичные для всех собственников, и руководствуется моралью, которой руководствуются эксплуататоры. Стремление к «хищничеству» и «стяжательству», в таком случае, является чертой не исключительно крепостников, а всех людей, имеющих безграничную и неконтролируемую власть.

По мнению М. С. Горячкиной, «Иудушка одновременно — синтез старого, крепостнического строя и нового, буржуазного... живая иллюстрация исторической необходимости гибели собственническо-эксплуататорского уклада»³. Салтыков-Щедрин не только обличает действия собственников, угнетающих безвольных и не защищенных законом людей, но и доказывает неизбежность разрушения такого строя.

Еще более широкие выводы делает Я. Е. Эльсберг, полагающий, что тип Иудушки выражает «те черты исторической обреченности, которые свойственны всем эксплуатирующим и идущим к гибели, умирающим классам, как в России, так и на Западе»⁴, то есть это тип интернационального масштаба.

О том, что Иудушка — «мировой образ», писал еще А. М. Лаврецкий, сравнивая щедринского героя с мольеровским Тартюфом. Но, в отличие от Тартюфа, Иудушка является мировым образом в более конкретном смысле.

¹Григорьян К. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». С. 51 .

²Щеблыкин И. П. История русской литературы (XI – XIX вв.). С. 404.

³Горячкина М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 112.

⁴Эльсберг Я. Е. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Из курса лекций по истории русской литературы XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. С. 53.

Порфирий Головлев обладает не общечеловеческим пороком, а воплощает в себе ложь господствующего класса, лицемерие, присущее собственникам-эксплуататорам¹.

Исследователи, вслед за автором романа, традиционно выделяют три стадии нравственного разложения Иудушки: запой празднословия, запой праздномыслия и, наконец, пьяный запой. Обратимся к тексту «Господ Головлевых», чтобы проследить, как поэтапно разрушается личность героя.

Рассматривая особенности создания образа Иудушки Головлева, исследователи устанавливают, что одним из главных приемов, к которому обращается писатель, является речевая характеристика героя. Словоблудие Порфишки-кровопивца отмечают многие исследователи щедринского творчества. По мнению Е. И. Покусаева, празднословие – социальный порок, присущий всем эксплуататорам. Щедрину удалось создать «классический тип пустослова»². Герой-лицемер будто прячется за словесной маской, скрывая свои истинные намерения не только от окружающих, но и от самого себя. Именно форма семейного романа, по словам А. С. Бушмина, «оказывалась в данном случае необходимой, во всяком случае — более благоприятной для выявления сущности типа лицемера»³.

Уже в первой сцене появления Иудушки в романе автор демонстрирует способность героя осуществлять свои хитроумные замыслы с помощью слова. Мать головлевского семейства собирает своих сыновей – Павла и Порфирия, что совершить «семейный суд» над провинившимся Степкой-балбесом. Порфирий Головлев знает, по какому поводу собран внезапный совет. Речь матушки сопровождается его эмоциональными восклицаниями («Слышали, матушка, слышали!» (45), «Ах, маменька! Это такой поступок!» (46)), мимикой и жестами («вскинул глазами в потолок и грустно покачал головою» (45), «слушал маменьку, то улыбаясь, то вздыхая, то закатывая глаза, то опуская их» (47)). Герой словно сгорает от нетерпения, не может дождаться своей очереди

¹См. об этом: История русской литературы : в 3 т. Т. 3 (Литература второй половины XIX - начала XX веков). С. 421.

²Покусаев Е. И. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 40.

³Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 176.

сказать *слово*, и даже окрики матери — «Стой! погоди!» (46) — не могут его остановить. Порфирий демонстрирует чересчур сильную эмоциональную реакцию («готов был ризы на себе разодрать» (48)), чтобы показать Арине Петровне, как он понимает ее, как проникся ее речью, как велико его сочувствие матери. При этом каждая демонстрация сочувствия «маменьке» является показной, и «ризы раздирать» Иудушка вовсе не собирается, поскольку боится, что «некому починить их будет» (48) в деревне.

Наконец, Арина Петровна просит сыновей судить своего брата Степку-балбеса, ожидая от каждого из них конкретного совета. Возможность говорить Порфирий воспринимает как настоящее счастье: «... почувствовал, что праздник на его улице наступил, и разошелся соловьем» (48). Герой-лицемер пускается в длинные рассуждения: «Что такое дети, милая маменька? Дети — это любящие существа...» (49). Порфирий говорит об отношениях родителей и детей, рамках дозволенного в семье, но прямого ответа на вопрос Порфирий не дает. Ласковость речей Иудушки («Это великодушно, милая маменька, велли-колепно!» (48)) как бы запутывает Арину Петровну. Мать подозревает фальшь в его словах, но истинный замысел сына от нее ускользает: «вслушивалась и никак не могла понять: какой такой подвох у Порфишки-кровопивца в голове засел» (49).

«Маменька» говорит о намерении выбросить новый «кусочек» Степке — папенькину деревушку. Однако, попытавшись принять собственное решение, Арина Петровна натывается на внезапное: «Как хотите меня судите, а на вашем месте... я бы так не поступил!» (50). Иудушка пускает в ход свое словесное оружие: с одной стороны, выражает самые добрые чувства к Арине Петровне, а с другой — мимоходом будто бы задается вопросом, а правильно ли маменька поступает. Ярким примером является реплика Порфишки: «Может быть, во мне нет этого великодушия... этого, так сказать, материнского чувства... Но все как-то сдается: а что, ежели брат Степан, по свойственной ему испорченности, и с этим вторым вашим родительским благословением поступит точно так же, как и с первым?» (50). Порфирий вселяет в Арину Петровну сомнения, страх, что

«ненавистник (Степан – В. М.) останется при ней навсегда» (52).

Чем больше сердится «маменька», тем елейнее становятся интонации Иудушки. « — А ведь вы, маменька, гневаетесь! — наконец он произнес таким умильным голосом, словно собирался у маменьки брюшко пощекотать» (52). Контрастно звучит тон Порфишки по отношению к накаленной обстановке. Арина Петровна чувствует это несоответствие, пытается усмирить сына: «Шутовку ты, что ли, из меня сделать хочешь! <...> Нечего мне зубы-то заговаривать!» (52). Она чувствует, что Порфишка-кровопивец «накидывает петлю» — но поделаться с этим ничего не может. «Скоморошничество» Порфирия приносит ему желанную выгоду: Степка-балбес остается в Головлёве, а значит, на папенькино имение претендовать не будет.

Уже первое появление Порфирия в романе позволяет выделить особенности его речевой характеристики. Слово в речи героя еще обладает содержанием, но уже начинает терять первоначальное значение: говоря одно, на деле Иудушка замышляет совсем другое. Герой активно использует восклицания («А-ах!», «Маменька!»), в речи его звучит неприкрытая лесть («Велли-ко-лепно»), елейный тон.

По мере развития сюжета речь Порфирия Владимыча становится все более бессодержательной. Показательным становится эпизод последней беседы между Иудушкой и Павлом. Порфишка-кровопивец начинает беседу с привычного елейного тона: «Больно?» (96). Чтобы передать приторность голоса, Салтыков-Щедрин вводит авторский комментарий с красноречивыми сравнениями: «... сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была в его средствах», «таким радостным тоном, словно и в самом деле "милость" у него в кармане была» (96). У постели тяжелобольного брата Павла, который то и дело восклицает: «Уйди, кровопивец!», сладкий голос Порфирия звучит как издевательство над умирающим.

Ласковость и сюсюканье также сохраняются и даже усиливаются в речи Иудушки. Изможденный болезнью Павел отчаянно пытается выгнать Порфирия и прекратить мучительную беседу, но тот продолжает сыпать ласковыми

словами («дружок», «голубчик», «подушечка», «водичка», «маслице», «лампадка» и проч.). На словах Иудушка демонстрирует свое доброе отношение к брату: «я об душе твоей думаю» (98), «Вот я так тебя люблю!» (99). Иудушка разглагольствует, не обращая внимание на крики умирающего: «Господи! да что ж это... уведите его!» (98). И лишь в одном моменте сквозь лицемерную маску прорывается намек на то, что на самом деле чувствует Порфирия Головлева: «Как ни сдерживал себя Иудушка, но ругательства умирающего до того его проняли, что даже губы у него искривились и побелели» (98). Внезапно наружу вырывается не любовь, а нечто совсем противоположное — ярость, ненависть. Но маска слетает лишь на мгновение, после чего кровопивец продолжает играть «комедию».

Лицемерное сюсюканье — только маска для того, чтобы выяснить необходимую Иудушке информацию. Не трудно заметить, как слово главного героя теряет свой истинный смысл: «Постой-ка, я лучше подушечку тебе поправлю!», — говорит Порфирий брату. Однако за словами последовало такое действие: «Иудушка встал и *ткнул в подушку пальцем*» (97). Порфирий не чувствует ответственности за свои слова, ибо лицемерие, по словам автора, стало настоящей «потребностью его натуры» (98).

Отдельного внимания в речи героя заслуживают многочисленные отсылки к Богу и Божьей милости. Показная набожность является неотъемлемой составляющей Иудушкиного «спектакля»: «Бог милости прислал!» (96); «... а я за тебя Богу помолюсь» (97); «Церковь-то что нам предписывает?» (98). Беспреданно упоминая Бога и всего, что с этим связано, «выморочный» герой не задумывается над тем, что его поступки расходятся с самим Законом Божьим.

Речевая характеристика Иудушки в эпизоде у постели умирающего брата Павла позволяет раскрыть его лицемерную сущность. Бессодержательное, лживое слово герой использует для того чтобы скрыть свои истинные намерения: выведать, успел ли больной распорядиться своим состоянием. Елейным голосом Порфирий буквально уничтожает брата, переступая через

него, еще живого, не замечая даже своего разрушительного действия. Все эти черты образа героя, которые так ярко проявляются в его речи, — бессодержательность, сюсюканье, обилие уменьшительно-ласкательных слов, показная набожность — характеризуют его как бесчеловечного, лицемерного собственника, готового пойти на всё ради увеличения своего состояния.

Запой праздномыслия начинается у Порфирия Головлева, когда он остается практически в одиночестве. Оказывается, что «выморочный» герой, так долго и бессердечно стремившийся «округлить» свое имение, управлять им не в состоянии. Лишь в своих фантазиях Иудушка воплощает все помещичьи идеалы — проводит все мыслимые и немыслимые расчеты для благоустройства имения. Со временем в сознание героя проникают не только цифры, но и образы умерших родственников. Воспоминания о спорах и ссорах с призраками прошлого он реконструировал так, будто смог изменить ход времени и всем отомстить: «Припоминал все столкновения и пререкания, какие случались у него с людьми не только в недавнее время, но и в самой отдаленной молодости, и разрабатывал их с таким расчетом, что всегда из всякого столкновения выходил победителем» (275). Фантазии буквально опьяняли Порфирия: «Это бы своего рода экстаз, ясновидение, нечто подобное тому, что происходит на спиритических сеансах» (276). Игры воображения заменяли Порфирию реальную жизнь, вводя его в то состояние, которое до этого уже умертвило целый род.

Все меньше и меньше соприкосновений с миром живых становилось у Порфирия: «Он плотно запирает окна и двери, чтоб не слышать, спускал шторы, чтоб не видеть. Все обычные жизненные отправления, которые прямо не соприкасались с миром его фантазии, он делал на скорую руку, почти с отвращением» (276). В собственных фантазиях Порфирий Головлев мог разговаривать с кем угодно и о чем угодно — теперь у него не было необходимости искать собеседника, наслаждаться пустословием можно целыми днями напролет. С помощью воображения «выморочный» герой создает комфортную для себя «реальность», центром которой он является.

Последняя стадия духовного разложения — пьяный запой. Иудушка долгое время сопротивлялся пьянству, но пустомыслие не давало ему желанного ухода от реальности. «А именно: недостает чего-то оглушающего, острого, которое окончательно упразднило бы представление о жизни и раз навсегда выбросило бы его в пустоту» (321). Это «оглушающее, острое» появляется с приходом Анниньки. Иудушка втягивается в «хмельные беседы» со своей «племяннушкой».

Темой ночных посиделок стали воспоминания о трагических событиях семейной истории — об «умертвиях», преследующих головлевский род. Аннинька обвиняла Иудушку во всех семейных «увечьях», реакция же героя-лицемера изменилась до неузнаваемости: «Эти поддразнивания уязвляли Иудушку до бесконечности; но он возражал слабо и больше сердился» (323). То, что раньше вызвало бы у героя шквал елейных высказываний и обращений к Богу, теперь откликается слабым эхом. Так зарождаются в душе героя первые мысли о его причастности к трагической судьбе рода Головлевых.

Каждое воспоминание приносило мучения обоим героям: «Всякий эпизод, всякое воспоминание прошлого растравляли какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о новой свите головлевских увечий. Какое-то горькое, мстительное разоблачение чувствовалось в разоблачении этих отрав...» (323). Оказалось, что раны прошлого вовсе не зажили, а лишь покрылись тонкой пленкой, под которой гноилась огромная рана. И хуже всего было от того, что «не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно бы удержаться» (323).

Забиться помогало лишь беспорядочное употребление спиртного. Ближе к ночи оно приводило к полному безучастию, а «под конец не только не чувствовалось боли, но вся насущная обстановка исчезала из глаз и заменялась светящеюся пустотой» (324).

Нравственное разложение Порфирия Владимировича стало естественным итогом абсолютного зла, которое он сотворил. Словом он убивал самое дорогое в жизни каждого человека — родную семью. Салтыков-Щедрин будто

доказывает читателю, что совершить такое количество преступлений и продолжать жить беззаботной жизнью невозможно.

2.2. «Пробуждение одичалой совести»

Моральная деградация героя прерывается «пробуждением одичалой совести», муки которой настолько невыносимы, что Порфирий Головлев идет на верную смерть, покидая дом в ужасную непогоду. Эти финальные сцены романа анализировали советские и постсоветские литературоведы, по-разному трактуя их смысл.

Ученые неоднократно сталкивались во мнениях, дискутируя о возникновении в финале трагического элемента, неодинаково понимая его сущность и функции. Так, Я. Е. Эльсберг вообще опровергает наличие каких-либо трагических нот в описании смерти выморочного героя. «Исторически обреченное не может быть трагичным», — заявлял щедринвед, отождествляя Иудушку с породившим его эксплуататорским строем¹. По словам Эльсберга, изображением проснувшейся совести, Щедрин «усиливает неотразимость и сокрушительность своего сурового приговора», и ни в коем случае не пытается вызвать жалость к герою-лицемеру². «Конец Иудушки, — считает исследователь, — это даже не самоубийство, а тупое подчинение невыносимому отчаянию»³. Становясь рабом своих собственных пороков, Порфирий Головлев лишается и каких-либо шансов на спасение, и человеческих прав на нравственный выбор. Смерть Порфирия Головлева, однако, не становится итоговой точкой в существовании эксплуататорского строя, она лишь предрекает его гибель. «Конец Иудушки сам по себе не означает конца хозяйничания помещиков-крепостников. <...> За смертью Иудушки и гибелью Анниньки Галкина должна стать хозяйкой Головлева и

¹Эльсберг Я. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М. : Гослитиздат, 1953. С. 411.

²Там же. С. 408.

³Эльсберг Я. Е. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Из курса лекций по истории русской литературы XIX века. С. 52.

сменить Иудушку», — замечает Эльсберг¹. Роковой исход «выморочного рода» — это лишь приговор всем эксплуататорам, грозное предупреждение от сатирика. Время окончательной гибели крепостничества еще не настало, но собственнический уклад уже обречен.

Столь же решительно и беспрекословно об авторской позиции, выраженной в заключительных эпизодах, судил и другой советский исследователь В. Я. Кирпотин: «Бесплодность движения совести в Иудушке подчеркивает беспредельность осуждения его автором. Совесть для Иудушки — только род мучительного наказания. Ему нет ни возрождения, ни прощения, ни спасения»². Кирпотин не только настаивает на отсутствии у героя средств к нравственному оживлению, но и не воспринимает проснувшуюся совесть как человеческое, духовное движение героя. Порфирий Головлев не способен на искреннее раскаяние, паразитическое существование лишило его даже возможности просветления души и помыслов.

О невозможности нравственного перерождения героя упоминал также К. И. Тюнькин: «... падение Порфирия Головлева столь глубоко, что, хотя совесть и пробудилась, возврат к человечности — "воскресение" — для него невозможно»³. Возрождение Иудушки беспрекословно отвергается литературоведом, по той причине, что деяния, совершенные героем, оказываются слишком чудовищными, чтобы дарить ему надежду на духовное обновление.

Утверждение невозможности нравственного перерождения Иудушки Головлева, несмотря на пробуждение в нем «одичалой совести», как будто бы делает не столь актуальной проблему трагического элемента в образе героя и в целом — в финале произведения

Вместе с тем исследователи, пожалуй, кроме Я. Е. Эльсберга, не отрицают присутствие трагического начала в романе, по-разному, как уже было отмечено, понимая его назначение. Так, Е. И. Покусаев, видя источник

¹Эльсберг Я. Е. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. С. 52.

²Кирпотин В. Я. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин : жизнь и творчество. Изд. перераб. М. : Сов. писатель, 1955. С. 364.

³Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. М. : Мол. гвардия, 1989. С. 501.

щедринского трагизма в пробуждении сознания Порфирия Головлева, полагает, что этот трагизм «усиливает критику, усиливает обличение социального порядка», безоговорочно осужденного писателем-сатириком¹. Аналогичную точку зрения высказывает А. С. Бушмин, подчеркивавший, что изображение драматической судьбы головлевского рода было подчинено определенной цели, которую ставил перед собой писатель. «Смысл трагического элемента в "Господах Головлевых", — пишет Бушмин, — заключается не в призыве к снисхождению и не в проповеди идеи морального перерождения, а в том, чтобы довершить сатирическое разоблачение господствующих классов картиной *морального возмездия*»². Салтыков-Щедрин остается верен сатирической традиции до конца, подчеркивает Бушмин, безжалостно обличая собственников-эксплуататоров в лице Иудушки. Смерть выморочного героя становится символом предстоящей гибели всех угнетателей. Данной точки зрения придерживаются и другие исследователи, например, В. Ф. Козьмин, М. С. Горячкина³.

В связи с этим особую важность приобретает проблема авторской позиции, как она выразилась в финальных сценах романа. Так, К. Н. Григорьян, например, считает, что, несмотря на пробуждение совести главного героя, авторское отношение к нему не меняется. Хищничество, лицемерие, страсть к накопительству, бессердечность головлевского семейства, подчеркивает исследователь, неизменно вызывает у Салтыкова-Щедрина «естественное чувство омерзения и негодования»⁴. Трагическая интонация, возникшая в финале, оказалась неспособна заставить сатирика отменить свой безжалостный приговор.

В. И. Кулешов полагает, что «временным покаянием после всеобщей Салтыков-Щедрин вовсе не хотел простить Иудушку. Он хотел приоткрыть завесу над психологией циника, который прибегает ко всяким средствам

¹Покусаев Е. И. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 73.

²Бушмин А. С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. С. 167. Курсив автора. – В. М.

³См.: Козьмин В. Ф. Социальный психологизм в романе «Господа Головлевы». С. 69; Горячкина М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 119.

⁴Тригорьян К. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». С. 63.

самооправдания; находят и на него моменты сомнения, но все святыни для него ничто: он и их превращает в средства»¹.

Об этом же пишет современный исследователь Н. М. Фортунатов: «Не следует видеть в сентиментально-христианском финале романа стремление Щедрина "простить" своего героя»². Пробудившаяся совесть лишь дала понять Иудушке, что никакой надежды на нравственное воскресение у него нет.

По словам Д. П. Николаева, «на протяжении всего романа главный герой ломает комедию, которая оборачивается трагедией»³. Щедрин, являясь писателем-сатириком, органично совмещает комическую и трагическую стороны романа, и наиболее ярко это совмещение проявляется в фигуре главного лгуна и лицемера — Иудушки Головлева. Трагическое начало в образе главного героя, ощутившего муки пробудившейся совести, возникает в связи с осознанием того, что Иудушка не просто раз за разом совершает предательство — он отступает от нравственных, этических принципов, выходит за границы общепринятой морали.

С. И. Ермоленко, рассматривая финал «Господ Головлевых», считает возможным говорить об этико-философском смысле романа, «открывающемся нам сегодня»: «Всем строем своего романа Салтыков-Щедрин утверждает идею неотвратимости возмездия, которое совершается в душе человека... и которое рано или поздно настигает всякого, кто нарушает нравственный закон»⁴. Мотив Страшного Суда, проходящий сквозь все повествование, получает свое окончательное воплощение в возмездии, настигшем «выморочного» героя. Страдания Иудушки становятся мучительной карой за его жестокие поступки. Салтыков-Щедрин «не просто обличает героя, он казнит его тем, что наказание приходит с л и ш к о м п о з д н о, когда уже ничего нельзя исправить... и нет никаких ресурсов для духовного воскресения»⁵. В этом и состоит смысл наказания, которое, по словам В. В. Прозорова, «словно бы

¹Кулешов В. И. История русской литературы XIX века (70-90-е годы). С. 116.

²Фортунатов Н. М. История русской литературы XIX века. С. 399.

³Николаев Д. П. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество : очерк. М. : Дет. лит., 1985. С. 184.

⁴Ермоленко С. И. Хроника «выморочного» рода. С. 351.

⁵Ермоленко С. И. Хроника «выморочного» рода. С. 351. Разрядка автора. – В. М.

напоминает людям об ответственности за свою судьбу»¹.

Иную точку зрения высказывает А. П. Ауэра, который утверждает, что «трагическая коллизия романа вырастает на парадоксальной сочетаемости... Через смерть произошло *возвращение к жизни*»². При этом исследователь все же подчеркивает, что покаяние совершает лишь Порфирий Головлев, тогда как эксплуататорский строй, его породивший беспрекословно осужден сатириком. Смерть Иудушки «символизирует гибель всего головлевского мира»³.

Как видим, мнения исследователей относительно смысла и назначения трагического элемента в щедринском романе не являются абсолютно единодушными. Одни (например, Я. Е. Эльсберг) вообще отказывает роману в наличии трагического начала, что вполне соответствует идеологии советского времени (особенно 50-х годов): в гибели представителя эксплуататорского класса не может быть ничего трагического. Другие (и это подавляющее большинство исследователей), видят трагическое начало, которое проступает со всей очевидностью в финале романа. Однако по-разному понимается назначение трагического элемента. А. П. Ауэр, авторы современного учебного пособия по истории русской литературы (под редакцией В. Н. Аношкиной), например, полагают, что в финале происходит раскаяние героя, что символизирует возможность его «возвращения к жизни», хотя бы и несостоявшегося⁴. Большая часть исследователей, не отрицая мучительных страданий главного Порфирия Головлева, все же полагает, что они посылаются автором в наказание ему: и в своем социально-психологическом романе Салтыков-Щедрин остается писателем-сатириком. И, следовательно, нет никаких оснований говорить о возможности нравственного перерождения героя

¹ Прозоров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин : Кн. для учителя. М. : Просвещение, 1988. С. 131.

² Ауэр А. П. Некоторые особенности поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте: сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Прозоров. Калинин, 1989. С. 98. Курсив наш. - В. М.

³ Аналогичная точка зрения представлена в издании: История русской литературы XIX века. 70-90-е годы. : учеб. для студентов вузов / под ред. В.Н. Аношкиной. С. 280.

⁴ Заметим, кстати, что это не новая точка зрения. В начале XX века она была выражена Ю. И. Айхенвальдом: «Он (Иудушка – В. М.) долго читал Евангелие фарисейски, невидящими глазами, "выморочным сердцем"; но чудо воскресения коснулось и его, и ожила его душа, когда однажды вдумался он невольно в рассказ о Христе, о "неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над истиной"» (см: Айхенвальд Ю. Салтыков-Щедрин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей : в 2 т. М. : ТЕРРА – Книжный клуб ; Республика, 1998. Т.1. С. 271.)

(А. С. Бушмин, Е. И. Покусаев, В. Я. Кирпотин, К. Н. Григорьян, В. И. Кулешов, Н. М. Фортунатов М. С. Горячкина, В. Ф. Козьмин и др.).

Таким образом, со всей очевидностью обнаруживается проблема, которая сегодня заслуживает внимания исследователей: *в чем состоит авторская позиция и как она выражается.*

Одним из способов выражения авторской позиции являются описания природы. В определении функции пейзажа согласимся с позицией С. И. Ермоленко¹. Природа в романе дана как нечто неживое, пораженное умиранием. Как и у головлевского рода, у природы в романе нет надежды на воскрешение или новую жизнь. Поэтому финальная глава «Расчет» открывается образом «снежного савана», под которым «тихо цепенеет» «окрестность»: трагический исход головлевского рода предопределен, повернуть вспять маховик времени невозможно.

В финале все слышнее звучит голос автора в его развернутых комментариях. Особенный интерес представляют размышления автора в главе «Расчет». Салтыков-Щедрин осмысляет жизнь семейства Головлевых сквозь призму эпохи, делит «мелкие дворянские сошки» на «удачливые» и противоположные им. И те, и другие «доживают свой век» после разрушения крепостного права. Относя Головлевых ко второму типу, автор подчеркивает безвыходность их положения: с каждым годом поколения становятся все порочнее и слабее, что ведет к неминуемой гибели семьи.

Иудушка Головлев, предстающий в финале как живой призрак, охваченный процессом нравственного разложения, доходит до такой черты, когда все чувства умирают. Но именно в этот момент наступает то, что автор называет «пробуждением одичалой совести». Осознание совершенных злодеяний приносит Порфирию невообразимую боль: «Жить и мучительно и не

¹С. И. Ермоленко определяет основную функцию пейзажа в романе как идейно-композиционную. «За героем всегда стоит автор, чье восприятие природы не только полнее и глубже. Пейзаж и тогда, когда ему придается психологическая функция, становится в романе прежде всего одной из форм выражения авторской позиции» (см.: Ермоленко С. И. «Головлево — это сама смерть. . . » (образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Филологический класс. 2003. № 10. С. 77-86).

нужно...». Авторская позиция выражена категорично: «совесть только бесконечно и бесплодно терзает» (325), не принося ни облегчения, ни надежды. «Каменный мешок», в который сам себя загнал Иудушка, разбить нельзя. Ужас наказания совестью заключался в том, что исправить содеянное возможности нет. Салтыков-Щедрин открывает своему герою невыносимую правду, заставляющую страдать его так сильно, что надежду давало только ощущение близящейся смерти.

2.3. Евангельский контекст в финале романа

Щедринский роман насыщен отсылками к Библии, которые чаще звучат в репликах главного героя — Порфирия Головлева. Для понимания финала романа необходимо выявить, с какой целью используется автором библейское слово. Так, возникает *проблема связи «Господ Головлевых» с библейским, евангельским текстом*. В советскую эпоху литературоведы были лишены возможности открыто высказывать мнения о наличии вероятных библейских аллюзий в романе, отсылающих к евангельским сюжетам. Думается, именно поэтому всякого рода упоминания о Библии и Христе в романе советскими исследователями трактуются весьма односторонне или вовсе не берутся во внимание.

Так, один из ведущих щедриноведов, А. С. Бушмин, в соответствии с господствующей идеологией советского времени, которая накладывала свой отпечаток и на литературоведение, воспринимал религию как одну из масок крепостнического строя, позволяющую скрывать безнравственные поступки под лживой вуалью благонравных речей. Исследователь обращал внимание лишь на то, как насыщен язык Иудушки разнообразными выдержками из Священного Писания, предполагая, что религия является источником, подпитывающим разложение эксплуататорских классов. Говоря о набожности

Порфирия Головлева как средстве притворства и обмана, Бушмин полагает, что автор разоблачает христианства в финале произведения. «Удар по Иудушке — это и удар по религии, — заявлял литературовед. — Религия, как основание морали эксплуататоров, дискредитирована в "Господах Головлевых" уже тем фактом, что она выступает союзницей столь безнравственных людей, какими являются крепостники Иудушки, что она не мешает, а, напротив, способствует их существованию»¹. Такого рода позиция была общепринятой в советскую эпоху, она разделялась большинством щедриноведов.

Изменения, произошедшие в стране, позволили, наконец, исследователям «прочитать» текст романа и особенно его финал в библейском контексте, осмыслить значение возникающих евангельских аллюзий.

Первое, о чем говорят исследователи, — это параллель между Порфирием Головлевым и библейским предателем Иудой, которая лежит «на поверхности» (эту связь видели и советские щедриноведы). Сам автор дает основание для этого, двусмысленно называя героя Иудушкой («Иуда» и «душка»): первое — кем является на самом деле, второе — кем хочет казаться). Например, Н. П. Ларионова отмечает, что Порфишка-кровопивец «ассоциативно и номинативно соотносится с Искарриотом»². Герой совершает самый страшный грех — предаёт родную семью, разрушает жизнь каждого из родственников, оставляя на месте головлевского рода пепелище, выжженное жадой «хищничества» и «стяжательства». Сопоставление Иудушки с библейским изменником является ключом к пониманию всего романа. «Отмеченная библейская параллель, — говорится в современном учебном пособии, — выводит повествование к общей мысли: отчуждение — страшная, разрушительная сила для всего человечества»³. Страшная смерть Иудушки-лицемера воплощает в себе неотвратимый итог пренебрежения родственными,

¹Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. С. 177.

²Ларионова Н. П. Тема предательства в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 68. См. также: Назаренко М. И. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»).

³ История русской литературы XIX века. 70-90-е годы : учеб. для студентов вузов / под ред. В.Н. Аношкиной. С. 279.

семейными узами.

Г. Ф. Самосюк, рассуждая о функциях библейского слова в речи Иудушки, подчеркивает, что Салтыков-Щедрин использует евангельский текст «для создания контраста между нравственно богатым и всегда содержательным смыслом источника и приземленно-бытовым и даже ханжески-циничным его наполнением в устах "пустослова" Иудушки»¹. Обращение к Библии становится для героя-лицемера прикрытием, служит маскировкой истинных греховных намерений. Иудушка не задумывается о подлинном значении текста Священного Писания, о глубокой морали, заключенной в нем. Лишь последнее слушание всеобщей нашла отклик в душе Порфирия Головлева: «И только теперь, когда Аннинька разбудила в нем сознание "умертвий", он понял впервые, что в этом сказании идет речь о какой-то неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над Истиной...» (321). Постыжение непреложных нравственных законов становится роковым для Иудушки, ибо эти священные заповеди он нарушил, сам того не замечая. Г. Ф. Самосюк полагает, что с этого момента библейское слово в устах Иудушки наполняется новым содержанием: «Воспоминания о крестных страданиях Христа в устах Порфирия становятся проявлением мук проснувшейся совести и свидетельством того, что в его душе зрел план разрешения запоздалых раскаяний»².

Имея в виду ту же сцену последнего диалога с Аннинькой, И. А. Есаулов, утверждает, что именно в это мгновение Иудушка «получил возможность *спастись*»³. По мнению Есаулова, в работе которого «Категория соборности в русской литературе» выявляются и анализируются библейские параллели в романе, Салтыков-Щедрин не только выражает мысль о возможности искупления вины героем, но и говорит о возможности «прощения его». При этом исследователь исходит из представления о том, что прощение есть факт,

¹ Самосюк Г. Ф. Библизмы в структуре образа Иудушки Головлева // Литературоведение и журналистика : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 102.

² Там же. С. 101.

³ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 137. Курсив автора. – В. М.

«несомненно состоявшийся в финале»⁴. Герой, считает исследователь, осознает собственное нравственное падение и тем самым обретает надежду на спасение и отпущение грехов. Более того, Есаулов решительно утверждает: читатель, отрицающий совершившееся прозрение героя и не способный принять его покаяние, «остаётся как за пределами христианской шкалы *этических* ценностей, так и за пределами *эстетического* целого произведения»².

Таким образом, по логике И. А. Есаулова получается, что степень постижения идейно-художественного смысла романа «Господа Головлевы» целиком и полностью определяются религиозными/атеистическими воззрениями реципиента — будь то исследователь или обычный читатель. В первом случае достигается необходимая полнота и глубина восприятия романа, во втором, соответственно, — нет.

«... Отношение к финалу романа и гибели домашнего предателя Иудушки зависит от того, насколько сам человек верит в идею всепрощения, заповеданную нам Богом», — созвучно с И. А. Есауловым рассуждает Н. П. Ларионова³. Читаем также у О. В. Евдокимовой: «Важно не то, как прощен Иудушка: совершенно или нет. Важна сама трагическая неразъятость греха и прощения, устойчивая неизменность этой антиномии»⁴. Именно противоречие между согрешением Иудушки и возможностью его помилования формирует глубокий, непростой смысл, скрытый в финале произведения, считает исследовательница.

Наряду с параллелью Порфирий Головлев — Иуда Искарот, внимание исследователей занято осмыслением еще одно библейской аллюзии. Речь идет о библейской притче о блудном сыне, его отце и брате. По мнению Е. А. Ремпель, эта библейская притча является «своеобразной моделью», послужившей основой сюжетостроения романа. Судьба каждого из героев представляет собой альтернативные версии истории Блудного Сына. Салтыков-Щедрин, по мнению

¹Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 139.

²Там же. С. 141. Курсив автора. – В. М.

³ Ларионова Н. П. Тема предательства в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». С. 70.

⁴ Евдокимова О. В. К восприятию романа «Господа Головлевы» // Русская литература. 2004. № 3. С. 168.

Ремпель, «существенно трансформирует библейскую притчу: ни один из головлевских "блудных сыновей" не получит мучительно ожидаемого прощения и избавления от бедствий»¹. В Евангелие от Луки блудный сын, вернувшись домой, находит прощение и любовь: «... отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15:20). Головлевы же встречают «только равнодушие, пустоту и смерть». Стало быть, сатирик намеренно вводит библейский сюжет, дабы указать на полное отсутствие тесных родственных связей в помещичьей семье и обосновать «возникновение в романе мотива расплаты, Божьего наказания»².

Соотнесение сюжета романа с евангельской притчей о блудном сыне иначе осмысляется в работе П. Е. Яниной. С точки зрения исследователя, важным оказывается *сам мотив возвращения*, который иллюстрирует «пройденный героем романа путь к обретению чувства рода»³. Значит, есть еще что-то человеческое в насквозь прогнившей и черствой душе Иудушки, и, говоря словами писателя, его «совесть не вовсе отсутствовала, а только была загнана и как бы позабыта» (325).

Библейский план произведения и его влияние на смысл романа становится предметом изучения и М. И. Назаренко. Литературовед полагал, что Щедрин использует евангельские сюжеты в качестве модели, и именно библейский код «дает нам возможность прочесть глобальный сюжет романа»⁴. При этом, считает исследователь, именно включение в текст евангельских мотивов и аллюзий послужило причиной возникновения множества трактовок финала романа. «Любая интерпретация ГГ («Господ Головлевых». — В. М.), — читаем у Назаренко, — колеблется между осознанием страшной греховности Иудушки — и идеей христианского милосердия, столь мощно заявленной на

¹ Ремпель Е. А. Притча о блудном сыне в художественной системе романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2003. С. 633.

² Там же. С. 633.

³ Янина П. Е. «Женский вопрос» и проблема семьи в литературной критике, публицистике и романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 325.

⁴ Назаренко М. И. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»).

последних страницах романа»⁵. По мнению литературоведа, Салтыков-Щедрин намеренно не вносит ясности в финал: не столь важно для писателя спасение или осуждение одной души, поскольку весь головлевский мир, так или иначе, обречен. «Для спасения мира необходимо нечто большее, чем запоздалое раскаяние одного человека. Необходим переход от вечного распятия Христа к вечному Его воскресению. Но переход этот не мог быть описан в ГГ («Господах Головлевых». — В. М.) ...», — делает вывод Назаренко².

Как видим, рассмотрение романа «Господа Головлевы» в библейском, евангельском контексте становится возможным только в постсоветское время. В советскую эпоху евангельское слово в романе и не могло быть объектом пристального изучения. Исследователи, как отмечалось выше, преимущественно ограничивались кратким упоминанием о «боге», «божьей милости» в речи главного героя, что рассматривалось как выражение его лицемерия и цинизма³. Кажущаяся богобоязненность Порфишки-кровопивца расценивалась как прямое отображение союза религии с эксплуататорским классом (А. С. Бушмин).

В постсоветских исследованиях библейский аспект романа и его финала становится предметом пристального внимания. Г. Ф. Самосюк, соглашаясь с А. С. Бушминым во мнении относительно использования Иудушкой религии в качестве маски, в отличие от литературоведа, акцентирует внимание на поворотном моменте в развитии сюжета произведения, после которого главный герой перестает использовать Слово Евангелия в корыстных целях и начинает его *понимать*. С точки зрения Самосюк, это нравственное прозрение героя подтверждает случившееся пробуждение совести, осознание Иудушкой греховности содеянного⁴.

На основании этого некоторые исследователи, как мы увидели, полагают возможным говорить не только о пробуждении совести Порфирия Головлева, но

¹ Назаренко М. И. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»). Курсив автора. — В. М.

² Там же.

³ См., напр.: Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина; Покусаев Е. И. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина; Григорьян К. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и др.

⁴ См.: Самосюк Г. Ф. Библизмы в структуре образа Иудушки Головлева.

и о его прощении (И. А. Есаулов, в какой-то степени — Н. П. Ларионова, О. В. Евдокимова). Другие же исследователи по-прежнему полагают, что мысль о прощении, (тем более – воскресении), несмотря на действительность страданий героя, не содержится в финале романа (В. И. Кулешов, Н. М. Фортунатов М. С. Горячкина, В. Ф. Козьмин, С. И. Ермоленко).

Вместе с тем, выявление в «Господах Головлевых» евангельских аллюзий (Е. А. Ремпель, П. Е. Янина, Г. Ф. Самосюк и др.) несомненно способствует более глубокому пониманию содержания романа, обнаружению его вневременного, общечеловеческого смысла, который с особой очевидностью проступает, как мы увидели, в финале романа.

Сцена разговора с Аннинькой после всеобщей в главе «Расчет» является ключевой для понимания смысла финала. В начале эпизода видим Порфирия Владимирыча будто со стороны: «сидел напротив, молчаливый и печальный» (328). Впервые герой предстает перед читателем без привычной маски набожного человека, каким он был на протяжении всего романа, со «светлым, умиленным, дышащим смиреньем и радостью» (159) лицом. Необычно для героя-пустослова и молчание, повисшее между дядей и племянницей. Этими деталями Салтыков-Щедрин сразу дает понять читателю, что перед ним уже не Иудушка — Порфишка-кровопивец, а Порфирий Владимирыч — будто другой человек.

Чтение Евангелий становится для Порфирия настоящим откровением, словно толкает его на порог какого-то открытия. Авторский комментарий, вбирающий в себя зону героя, характеризует это состояние как «какую-то смуту, почти граничащую с отчаянием» (329). Главный источник смуты — это прошлое, которое «невозможно припомнить», но и «позабыть нельзя» (329). Салтыков-Щедрин рисует пугающий образ прошлого: «Что-то громадное, которое до сих пор неподвижно стояло, прикрытое непроницаемой завесой, и только теперь двинулось навстречу, каждоминутно угрожая раздавить» (329). Прошлое — это все «умертвия», случившиеся по вине Порфирия, восставшие из тьмы под влиянием хмельных бесед с Аннинькой, когда вспоминалась

каждая трагедия. В авторское слово проникает несобственно-прямая речь героя: «Если б еще оно взаправду раздавило — это было бы самое лучшее; но ведь он живуч — пожалуй, и выползет. Нет, ждать развязки от естественного хода вещей — слишком гадательно; надо самому создать развязку, чтобы покончить с непосильною смутою. Есть такая развязка, есть» (329). В отрывке мы видим зачатки внутреннего монолога Порфирия, безмолвный спор с самим собой. Невыносимая боль страданий придает решимости герою: избавиться от мук, а перед этим сходить «на могилку к покойной маменьке проститься» (330). Мысли о смерти от собственных рук получают развитие, герой как будто бы примеряет разные варианты, взвешивает «за» и «против» прежде, чем решиться. Так, «Аннинька может помешать» (330), и поэтому Порфирий обрывает фразу, не рассказав ей о своих планах.

Желание «проститься» с матерью перерастает в жажду «пасть на могилу и застыть в воплях смертельной агонии» (330). Порфирий ищет любые внутренние и внешние ресурсы, чтобы «подбодрить себя» (330), поэтому расспрашивает Анниньку о самоубийстве Любиньки. Волнение выдает героя, он не находит себе места, несколько раз встает и ходит взад и вперед по комнате.

В поведении Порфирия вдруг проявляется живое человеческое чувство, и он заговорил так, как не говорил никогда до этого. «Погладив по голове» Анниньку, Порфирий Владимирыч «тихо» произнес: «Бедная ты! бедная ты моя!» (330). Неожиданная реакция Аннинька, которую никто и никогда не жалел, никто и никогда не ласкал: «Вы добрый? скажите! ответьте! вы добрый? — почти криком кричала она». Эта сцена заставляет вспомнить другую — сцену окончательного приезда Анниньки в Головлёво, в которой на этот же ее вопрос получает обычный для Иудушки уклончивый и приторный ответ: «Ну, добрый, добрый! ну, говори! хочется чего-нибудь? закусочки? чайку, кофейку? требуй! сама распорядись!» (295). В финальной же сцене поведение героя меняется: он подождал, пока она затихнет, не перебивая, не говоря пустых слов. А затем звучат слова Порфирия Владимирыча, впервые потрясенно воспринявшего во

время всеобщей евангельской проповеди о «неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над Истиной», которые можно рассматривать как внутренний монолог героя («вслух говорил он *сам с собою*»): «Ах, какие это были страдания! Ведь только такими страданиями и можно... И простил! всех навсегда простил!» (331). Невольно Порфирий Владимирович приравнивает свои страдания к крестным мукам Христа, выдавая свою затаенную потребность прощения. В незаконченных, отрывочных фразах Порфирия Владимировича выражаются его внутренние переживания, страдания, которые невозможно утолить. Спадает маска лицемера с лица Порфирия, и в пустоту, «озираясь кругом», он «растерянно» задает вопрос, на который нет и не может быть ответа: «где... *все?*...» (331). Выморочный герой, думавший только о себе на протяжении всего повествования, приходит к страшному осознанию того, что никого рядом нет и некому прощать его злодеяния.

В финальной эмоциональной сцене приоткрывается внутренний мир Порфирия Головлева. Автор дает понять, что даже в самом жестоком и пустоутробном герое может проснуться нечто, похожее на *человечность*. Изменяется речь Порфирия Владимировича: вместо елейных и бессодержательных слов – словесного «гноя», который он изливал на своих домочадцев, появляется слово, наполненное смыслом и душевной болью. Простить Порфирия Головлева уже не представляется возможным, и автор неоднократно повторяет: «совесть проснулась, но бесплодно» (326). «Бесплодность» раскаяния без дарованного прощения становится страданием, невозможность исправить свои ошибки оказывается наказанием, не совместимым с жизнью.

После беседы с Аннинькой беспокойство овладевает Порфирием, и он «решается»: уходит из дома в ветреную мартовскую непогоду в одном халате. Идет навстречу порывам «мокрой метелицы», «не чувствуя ни снега, ни ветра» (332). Переживания душевные настолько сильны, что боль физическая теперь не ощущается Порфирием Владимировичем. Понимает ли герой, что обрекает себя на верную смерть? Салтыков-Щедрин не дает читателю прямого ответа.

Труп головлевского барина находят «на другой день» недалеко от погоста, «на котором была схоронена Арина Петровна». Страшный финал закономерно венчает жизнь «выморочного» героя. Порфирий прожил бессмысленную жизнь, способствуя уходу из жизни членов своей семьи, не осознавая, что это именно он стал «душой» «умертвий» - вырождения некогда крепкого и самого богатого во всей округе рода. Понимание содеянного приходит к герою слишком поздно: когда он начинает осознавать свою вину и хочет покаяться на могиле матери. Но наказание за все преступления неотвратимо настигает Порфирия Владимирыча: он не смог дойти до материнской могилы, не успел покаяться и не получил ни материнского, ни авторского прощения.

Однако история головлевского рода на этом не заканчивается. Не зря упоминает автор о «сестрице» Надежде Ивановне Галкиной, которая «зорко следила за всем происходившим в Головлеве» (332). Хищничество не заканчивается вместе со смертью одного порочного рода; приговор, вынесенный автором, звучит не только для «выморочного» героя. Салтыков-Щедрин обращает свое предупреждение к каждому, кто ради собственного благополучия переступает через нравственные заповеди, нарушая закон жизни. Совесть проснется в каждом, кто отступит от нравственного закона. Даже когда не останется ничего человеческого, совесть найдет лазейку в душе и причинит боль. И самое страшное в этом пробуждении совести будет то, что человек уже ничего не сможет изменить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем результаты проведенного исследования.

В ходе рассмотрения литературоведческих работ, посвященных роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», мы пришли к выводу, что в понимании смысла и назначения трагического элемента в романе нет единодушия среди исследователей. Например, Я. Е. Эльсберг в соответствии идеологией 50-х гг. прошлого века вообще отрицал наличие трагического начала в романе, считая, что в гибели представителей эксплуататорского класса не может быть ничего трагического. Другие (подавляющее большинство исследователей), видели трагическое начало в романе, со всей очевидностью проступающее в его финале. Однако при этом исследователи по-разному понимали назначение трагического элемента. Так, А. П. Ауэр, авторы современного учебного пособия по истории русской литературы (под редакцией В. Н. Аношкиной), полагают, что в финале происходит раскаяние героя, что символизирует возможность его «возвращения к жизни», хотя бы и несостоявшегося. Большая же часть исследователей, не отрицая мучительных страданий Порфирия Головлева, все же утверждает, что они посылаются автором в наказание ему: и в своем социально-психологическом романе Салтыков-Щедрин остается писателем-сатириком. Следовательно, нет никаких оснований говорить о возможности нравственного перерождения героя (А. С. Бушмин, Е. И. Покусаев, В. Я. Кирпотин, К. Н. Григорьян, В. И. Кулешов, Н. М. Фортунатов М. С. Горячкина, В. Ф. Козьмин и др.).

Вывод, вытекающий из аналитического обзора исследований, побудил нас обратиться к изучению темы «Трагическое начало в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина “Господа Головлевы”».

В ходе изучения мы убедились в справедливости наблюдений исследователей над тем, как изображается в романе процесс нравственного разложения главного героя – Иудушки Головлева, который является, по словам автора, «настоящей душой разложения семьи»: запой празднословия, запой

праздномыслия, пьяный запой. Не вызывает сомнения и вывод, сделанный щедриноведами, о том, что главным приемом создания образа героя-пустослова является *речевая характеристика*, в которой, по нашему мнению, отражаются все стадии, по существу, трагического нравственного распада личности.

Наше внимание было приковано к выявлению приемов, с помощью которых возникает в романе сквозной *мотив «умертвия»*, на сюжетном уровне связанный с изображением ухода из жизни одного за другим представителей головлевского рода («сюжет-мартиролог»). В качестве таких приемов мы отметили повторяющиеся *образы-символы гроба, савана, тьмы (темноты), призраков*, которые соотносятся как с образом главного героя Иудушки Головлева, так и со всем романом.

Согласимся с теми исследователями (М. С. Горячкина, С. И. Ермоленко и др.), которые отмечают важную роль в поэтике романа *пейзажа*: настойчиво повторяющиеся серо-черные-белые краски, сгущающаяся тьма, отсутствие картин (даже весеннего) пробуждения природы усиливают трагическое звучание мотива «умертвия».

В связи со сказанным выше важное значение приобретает вопрос об авторской позиции в романе: что означают муки и страдания, которые испытывает в финале Порфирий Владимирович, когда у него просыпается пусть «одичалая», но все-таки совесть. Прощает ли своего героя автор? Для чего вводится в роман евангельский контекст?

Мы увидели, что одни исследователи полагают возможным говорить не только о пробуждении совести Порфирия Головлева, но и о его прощении (И. А. Есаулов, в какой-то степени — Н. П. Ларионова, О. В. Евдокимова). Другие же исследователи утверждают, что мысль о прощении, (тем более — воскресении), несмотря на действительность страданий героя, не содержится в финале романа (В. И. Кулешов, Н. М. Фортунатов, М. С. Горячкина, В. Ф. Козьмин, С. И. Ермоленко).

Анализ романа, его финальной части (глава «Расчет»), когда впервые до Порфирия Владимировича доходит смысл евангельского слова о страданиях

Христа «за всех», позволяет сделать вывод о том, что автор всей художественной структурой своего романа утверждает мысль о невозможности нарушения высших нравственных законов, которые в норме жизни не знают исключений. Всякого, кто преступает через эти законы, рано или поздно, настигает возмездие. Страшно, когда поздно, когда ничего уже нельзя исправить: «Где... *все?*». Так явственно через евангельский контекст проступает вечный, философский смысл романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».